

УДК821.161.1-312.4
ББК82(2Рос=Рус)6-44
Т17

В оформлении обложки использованы фрагменты работ
художника *Игоря Варавина*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Ночная война / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Фронтовая
разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова).

ISBN 978-5-04-113861-5

Осень 1941 года. Части вермахта движутся к Москве. Разрозненные советские подразделения пытаются вырваться из наметившегося под Вязьмой «котла». Среди отступающих — остатки дивизии, в которой служат разведчики под командованием лейтенанта Глеба Шубина. Им поручено выяснить, по какой дороге пойдет преследующая дивизию немецкая механизированная колонна. Разведгруппа уходит в рейд и вскоре обнаруживает скопление вражеских танков. Шубин решает задержать продвижение противника. Для этого бойцам придется на время стать настоящими танкистами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113861-5

© Тамоников А.А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Погода для начала октября была просто загляденье. Деревья еще не растеряли лиственный покров, радовали глаз палитрой осенних красок. Зеленела трава, по небу, старательно огибая солнце, плыли перистые облачка. Полдень не особенно жарил, но температура держалась комфортная, отсутствовало желание развести костер и закутаться в несколько плащ-палаток. Смущала серая хмарь, возникшая на северном небосклоне, но через час-другой она могла рассеяться. Но сегодня красота российской осени не умиротворяла. Командир взвода полковой разведки Глеб Шубин медленно приподнял голову. Душевный покой остался в прошлом. Дискомфорт вносила несмолкающая канонада на юге, а живописный пейзаж портили немецкие каски, скользящие над гребнем косогора.

На вражеский пост нарвались случайно — когда сползли с покатою, изрытой буераками горки. Шубин категорически запретил вставать — слишком открыто все. Кошкин ворчал под нос:

«Рождены летать, а постоянно ползаем!» Меры предосторожности оказались не лишними — пост zaseкли и мгновенно застыли. Ситуация штатная, но пришлось понервничать. Отступать некуда — стоит податься обратно на горку, и за жизнь четырех разведчиков не дашь и ломаного гроша...

Шубин обернулся — такое ощущение, что шейные позвонки хрустнули на всю округу! Разбитной паренек Леха Кошкин пристроился справа, метрах в семи, заполз в канаву, где свернулся вчетверо и озадаченно моргал. Сергей Герасимов и Шлыков залегли значительно дальше. Складки местности позволяли оставаться незамеченными. И буро-зеленые комбинезоны, расшитые лоскутьями под цвет осеннего леса, служили хорошей маскировкой. Вопросы вызывали вещмешки, притороченные к спинам. Но если не всматриваться, то все нормально. До вражеского аванпоста было метров двадцать. Дозорные разместились в канаве, периодически выглядывали. Потом опять прятались и предавались размеренной беседе. Судя по голосам, их было трое. Мурашки поползли — такое чувство, что внимательный глаз из канавы смотрел прямо в душу. Напрягся палец на спусковом крючке ППШ. Но, кажется, пронесло — наблюдатель оторвал взгляд от бугорка, за которым притаился лейтенант Красной Армии, стал разглядывать соседние «достопримечательности». Этот глаз

высовывался в третий раз и ничего не замечал. Посыпалась земля — военнотружашаий вермахта спустился к товарищам. За канавой, где сидели немцы, до плотного осинника простиралась глинистая пустошь. Дистанция — метров четыреста, то есть далеко. Справа все открыто, редкий кустарник. Слева тоже — хоть парад устраивай, далее — проселочная дорога, едва ли пригодная для перемещения боевой техники. За дорогой — глубокая балка в сторону леса. Ее хорошо видели с горки десять минут назад. До балки тоже даль немереная — метров полтора с гаком. На северо-востоке простиралась низина. В дрожащей дымке колыхалась бревенчатая водонапорная башня, крыши села Кольцово, потускневший от времени куполок церквушки — явный недостаток сельского партактива. Шубин готов был поклясться — не заглушай канонада все прочие звуки, они бы слышали и гул моторов, и людской гомон. В том, что немцы вошли в Кольцово, сомневаться не приходилось. Аванпост перед глазами — именно оттуда. Свято место пусто не бывает — передовые колонны немецкой бронетехники выдвигались на восток и, если отсутствовал приказ следовать дальше, занимали населенные пункты. Крупной группировки в Кольцово быть не могло — от силы танковая и пехотная роты...

Возникшая ситуация требовала решения. Обратного пути не было, обойти немецкий пост то-

же не представлялось возможным. Глеб обернулся. Леха Кошкин — бойкий паренек из уральского промышленного района, обладавший неунывающим характером, продолжал изображать моргающий семафор. Паренек был храбрый, неглупый (невзирая на безнадежно пролетарское происхождение), инициативный — впрочем, последнее не всегда становилось достоинством. Зашевелились Герасимов со Шлыковым, первый накручивал глушитель на ствол ТТ, у другого глушитель уже был накручен. Бойцы переглянулись с командиром. Выбора не было. Поднимать шум — опасно. Глушитель — не бог весть, но все же гасит звук выстрела. Шубин оперативно прорабатывал варианты. Вылези из канавы все трое — и никаких проблем. Снять их с малой дистанции — дело техники. Но немцы сидели в своем укрытии, и выманить их было невозможно. Броском через открытый участок — риск отъявленный. Кто-нибудь услышит, среагирует, возможны потери. Но щадящего варианта, кажется, не оставалось...

Что произошло? Внезапно Кошкин стал жестиковать: дескать, подождите с кавалерийским броском! Шубин напрягся — что опять придумал этот авантюрно настроенный товарищ? Леха сделал загадочное лицо, потянулся за пределы своего укрытия. В руке образовалась сучковатая палка. Разведчик затаил дыхание, подался вбок и вытянул руку с палкой. Движение

было быстрое — словно рыбацк подсекал снасть. А потом Леха замер, затаил дыхание, стал медленно поднимать палку. Все, кто это видел, затаили дыхание. Леха был в своем репертуаре! Под камнем свернулась гадюка — весьма распространенное явление для средних широт! Тварь ядовитая, опасная. Кошкин ловко подцепил ее в средней части, и теперь она висела, перегнувшись пополам. От соскальзывания предохранял сучок в верхней части палки. Парень вел ветку очень медленно, избегая рывков. Змея еще не включилась в происходящее, плавно извивалась. Экземпляр был неплох — не меньше метра в длину, с большой головой, уплощенной мордой. Желтоватую кожу раскрасил контрастный рисунок. Выделялся светло-серый кончик хвоста — отличительный признак гадюки. И как мозги до такого додумались! Разведчики застыли, словно замороженные. Кошкин отвел за спину руку с извивающейся змеей, приподнялся на колено, прикинул направление и дальность броска. Парень волновался, бусинки пота блестели на лбу. В последний миг гадюка изогнулась, едва не соскользнула с палки. Из распахнутой пасти выстрелил длинный язык. Бросок — вьющаяся лента с красивым рисунком на коже проделала дугу и приземлилась точно в канаве!

Переоценить последующий эффект было невозможно! Тварь свалилась фашистам на головы!

Кто-то завизжал. Двое выпрыгнули из канавы, нарисовавшись в полный рост. Фактор неожиданности — на лицах, перекошенных от страха. Шлыков и Герасимов открыли огонь из пистолетов с глушителями. Извивались простреленные тела. Жилистый обер-гренадер рухнул на краю канавы. Второй свалился обратно в яму. Там кто-то барахтался, хрипел. Был еще и третий, но он остался в канаве, видимо, отбросил от себя гадюку. Это было скверно! Вся работа Кошкина могла пойти насмарку. Поднялись с Лехой одновременно, бросились вперед. В канаве хрипел человек — похоже, третий постовой боролся не только с гадюкой, но и со своим мертвым товарищем. Внезапно из ямы вылетела «колотушка», как «любовно» прозвали в войсках немецкую наступательную гранату М-24! Метателю что-то помешало — возможно, зацепил локтем скат канавы — граната сделала кувырок и упала в десяти метрах от разведчиков. Жар ударил в голову. Шубин повалился плашмя, занули ребра. Ахнул Кошкин, упал ничком, потеряв пилотку. Остальные остались где были, — счастливики!

Секунды острыми шипами кололи мозг. Шесть, семь, восемь... Давно пора взорваться! Забыл шнурок дернуть? Кинул с неотвинченным колпачком? Взрыва не было. Канавы тоже молчала. Выждав еще немного, Глеб приподнял голову. Граната спокойно лежала, колпачок был отвин-

чен, на конце рукоятки болтался шнурок с роликом. Секунды жалили череп. Сколько их уже прошло? Не только советская военная промышленность допускает брак... Кошкин изнывал от нетерпения, тяжело дышал, облизывал сухие губы. Он начал привставать, сжимая ППШ.

— Товарищ лейтенант, уже не взорвется... Двадцать секунд прошло...

— Лежать, — процедил Глеб, — кто приказал вставать?

— Товарищ лейтенант, нам же рассказывали об устройстве этой хреновины... Если «колотушка» не срабатывает в течение тридцати секунд, то она становится неопасной, потому что жало ударника отводится от капсюля пружиной...

— Я не понял, мы сейчас умничаем, боец? Лежать, кому сказано? А ну, упал!

Кошкин предпочел не нарываться, прилег. В этот момент адское устройство и сработало — вопреки логике и всем техническим характеристикам! Хоть богу молись, что все лежали в этот момент! Осколки разнеслись по округе, взрывная волна ударила в плечо. У непоседы Кошкина от изумления отпала челюсть. С «галерки» прозвучал сдавленный смешок. А вот теперь самое время! Шубин взлетел, как на цирковой сетке, бросился к канаве. С ее обратной стороны выкатился малорослый фельдфебель с проплешиной на макушке. Он пустился прочь, то и дело озира-

ясь. В перекошенном лице не было ни кровинки. Фельдфебель протяжно завыл. Шубин бегло стрелял служивому под ноги. Фонтаны глины вырывались из-под ног, фельдфебель споткнулся, треснулся носом. Такую песню загубил со своей гранатой! Шубин перемахнул через канаву, где на дне скорчился мертвец, а рядом извивалась гадюка (спасибо вам, гражданка!), набросился на фельдфебеля, ударил ногой по бедру. Это место самое чувствительное в нижних конечностях. Бедняга зашелся хрипом, но все равно пытался встать. Шубин не возражал, схватил его за шиворот и двинул под дых. Противник согнулся, исторг рвоту. Подбежал Кошкин с багровой физиономией, за ним спешили Герасимов и Шлыков. Последний был невелик ростом, катился как колобок.

— Как он, товарищ лейтенант? — выдохнул Леха.

— Живой, но утратил боевые качества... Так, вы, двое, хватайте его за шиворот и гоните через дорогу, в канаву! Больше некуда, а тут скоро хай поднимется...

Работали дружно, без разговоров. В вещмешках — разобранный радиостанция 12-РП, но к грузу приспособились, действовали стремительно. Фельдфебеля пинали под зад, он прыгал, как горный козленок, защищался руками. Глеб орал ему на ухо доходчивым немецким языком, и, в

принципе, фельдфебель слушался. Страх гнал его по буеракам, пленный почти не спотыкался. Он даже лидировал с отрывом и первым скатился в балку. На этом бег не закончился, он стрельнул глазами и понесся по пади оврага. В погоню припустили всем гуртом. Споткнулся Шлыков, безнадежно отстал, рассыпая жемчужины русского мата. Фельдфебеля не догнали, сам запнулся. Кошкин оседлал добычу, стал бить в зубы, пришлось оттаскивать. Несложно понять чувства советского разведчика. Фельдфебель выплюнул зубную крошку, закатил глаза. Его обступили, сели на корточки, стали разглядывать, как диковинную зверюшку. Пленник сглатывал, исторгал из горла нечленораздельные звуки.

— Как-то неправильно он использует дар речи, — подметил Сергей Герасимов, почесав ухо. — Может, добавим, товарищ лейтенант?

— Не трогай. Пусть отдышится и успокоится. Иначе он нам до вечера ничего не скажет.

— Успокоится? — хмыкнул Кошкин. — Ладно, нам не к спеху, можем и подождать.

— Леха, ну ты и ювелир, — подошел, прихрамывая, Шлыков, соорудил уважительную мину: — Надо же додуматься со змеей. Это какой же завихрень у тебя в мозгах?

— Не придумал ничего умнее наш Леха, — оскалился Герасимов, — по присущей ему лениности ума, хм... А попал ты змеей действительно

четко. Признавайся, Леха, как удалось? Со страха, что ли?

— Так я же футболистом был на заводе, — осклабился Кошкин. — Когда какие соревнования, пенальти надо пробить или штрафной, тренер всегда меня ставил.

— Серьезно? — удивился Шлыков. — Ты рукавами в футбол играл?

— Ладно, хватит ржать, — поморщился Глеб, — талантливый человек во всем талантлив. Эй, господин фельдфебель, — он перешел на немецкий и потряс пленника, — вы уже отдышались, можете отвечать на вопросы? На вашем месте я бы перестал притворяться немощным, а отвечал бы четко, ясно и без запинки. Ложь не приветствуется, а только приближает вашу смерть.

— Пообщайтесь с этим доходягой, товарищ лейтенант, — поддержал Герасимов. — Невелика птица, но на безрыбье и этот сойдет. А мы народ темный, языкам не обучены, пока покурим, насладимся тонкими осенними ароматами...

— Никаких «покурим», — резко бросил Глеб. — Кошкин, остаешься здесь, следи за нашим другом, остальные на косогор и смотрим во все глаза. Появятся немцы — немедленно сообщайте.

«Язык» по заведенной традиции умолял не убивать, что-то бормотал о насильственной мо-

билизации, об отце, который при жизни придерживался социалистических взглядов и до самой гробовой доски был противником восхождения Гитлера на престол. Малые детки, большая мать — все это было предсказуемо и неинтересно. Впрочем, по существу фельдфебель тоже говорил. Его звали Манфред Гюнше, он проходил службу в 20-м армейском корпусе 9-й армии вермахта. Сегодня утром сводное формирование из танковой роты и мотопехотного батальона выдвинулось в район, заняло село Кольцово и встало до дальнейших распоряжений. Основные силы еще не подошли. Но вот-вот придут и ударят по правому флангу пятящейся к Вязьме 303-й дивизии русских. Именно этого опасалось советское командование! Какая жалость, что всего лишь фельдфебель! Но даже незначительные персоны обязаны что-то знать. В районе несколько дорог, пролегающих с запада на восток, качество покрытия вполне пригодно для танков, да и распутица еще не началась. Специалисты в штабе сомневались, что немцы будут использовать ВСЕ проселки — так они распылят силы, а потом будут их долго собирать. Ударят в одном месте, вся мощь должна быть сосредоточена на узком направлении — они всегда так делают: формируют кулак, которым и пробивают стену...

— Я слышал, как офицеры разговаривают между собой... — бубнил Гюнше. — Получен